

## Часть 1. Глава 4.

Вендурро схватился за живот и рассмеялся. "Итак, мы все уехали обратно в гостиницу, все, за исключением капитана. Маллдус, Хьюспир и остальные тоже, они уже были там. Маллдус видя, что я пришел в гостиницу, обратился ко мне: "где капитан?"

Я говорю - "пьет, наверное". Маллдус, разозлился мгновенно, как всегда и говорит, "Ты оставил капитана одного? Пить? Приведи его ко мне."

"Я не пойду" - Но Маллдос развернул меня за плечи и пнул меня под зад, говоря: " Ты пойдешь за ним или проведешь следующий раз, копая яму под туалеты".

Глессвик прервал рассказ и добавил: "Хорошее дело было бы. Ты бы все еще копал их."

"Верно. Так что я пошел. Но я не собирался идти за капитаном один, так что я взял Глессвика с собой. Было поздно, после комендантского часа улицы были в основном пустынными. Часовые должны были патрулировать, но если они и были, то мы не видели никаких признаков их патруля. Приближаясь к таверне, не слишком далеко от нас, мы видим четыре уличных бандита, преградившие путь капитана. Я точно не помню, какой это был город, но в Грейморе и других похожих городах, бандиты любили вооружаться каким-нибудь тяжелым предметом, привязанным к плети. Длинный кусок кожи, один конец обмотан и зафиксирован вокруг запястья, другой привязан к тяжелому предмету. Иногда это железо в форме яйца, иногда маленький мешок, полный кусочков свинца, иногда камень. Такое оружие легко спрятать, и более чем способно сломать кости, или даже убить. Удобный только в уличной драке, и не для чего другого.

"Бандиты начинают одновременно крутить свое оружие. Они думали, что получили легкую добычу, как же, один человек посреди ночи против четверых. Капитан, однако, начинает смеяться, глядя на их оружие, которое выскочило из их рукавов. Он умерся руками в колени, чтобы не упасть от смеха. Потом он выпрямляется и говорит что-то, но мы не слышим. Глесс и я сорвались с места к капитану, но прежде чем мы добежали, это на полпути, чтобы помочь, капитан срывает со своего пояса свою легендарную плеть-хлыст. Подбросил ручку одной рукой и схватил в воздухе. Большинство раз, он делал это медленно и мягко, но в ту ночь, он вооружился им очень грубо".

"Но ближайший бандит не ожидал сильного сопротивления, и начал медленно реагировать, будто развлекается. Он пытается своим оружием на плети, но капитан уже скользит влево, смотрит на забавное оружие, как он считает. Затем Брайлар взмахивает своей плетью, снимая верхнюю половину бандитской головы. Еще один бандит движется, веревка с привязанным железным шаром идет вниз во взмахе, но капитан шагает поближе, взмахнул плетью и схватил того за предплечье, капитан потянул на себя и бандит потерял равновесие. Брайлар потянул рукоять к себе, натягивая плеть, чтоб бандиту стало больнее. Плеть ухватила руку как камень давила. Тот дернулся, лишив капитана баланса, прежде чем он отпустил бандита. Оставшиеся два бандита принялись избивать спину капитана, пока было время. Но они мало обращали внимания вокруг. Как их что-то потянуло в темноту, приглушенный вскрик и все закончилось."

"Теперь Глесс и я добрались до капитана. Мы помогли убить последних двух. Мальчик, которого Капитан Брайлар избил сидел в грязи, прижимая свою вывихнутое плечо, капли крови пузырились на его губах. Он говорил "пожалуйста" снова и снова, глаза, полные животного страха. Капитан посмотрел на него, хлопнул в ладоши, у него был такой взгляд, который я не мог прочесть. Глесс спрашивает, хочет ли он, чтобы мы убили его, или пошли преследовать их поделщиков, явно ожидая услышать «ДА» тому или другому, может быть

сразу и то и то. Капитан подумал, затем сказал: "Нет. Пусть бегут. Пусть бегут." Вендурро попытался говорить, как Брайлар. "А что касается этого ..." – капитан наклонился к мальчику, – волосы его свисали перед бандитом, который, закрыв глаза, начал бормотать какую-то молитву. Затем капитан бросает бандитское оружие прямо ему в лицо; он вскрикнул, как будто ему нанесли смертельный удар.

"Когда он, наконец, открыл глаза, капитан уже шагал к гостинице, Глесс стал перебирать ногами быстрее, чтобы идти в ногу с ним. Я смотрю вниз на тупого ублюдка, не могу устоять и сказал: "Тебе повезло больше, чем заслуживает любой нижайший ублюдок".

"Я догнал Глесс, и мы пошли, внимательно вглядываясь в тьму в поисках того, кому захочется потасовки, но было тихо. На полпути к гостинице, Глесс спрашивает капитана, что он сказал бандитам, и я признаю, любопытство заставило меня задуматься тоже. Кэп вытер кровь с разреза на виске, остановился и посмотрел на Глесса, как на глупого, потом сказал, вспоминая – "ну, зачем вам это?"

Глессвик закатил глаза. "Очень важно для нас."

"Помнишь, что ты сказал, Кэп?"

Брайлар сглотнул прежде как ответить: "Я сказал им, что никогда не видел таких крошечных улилок раньше."

"Вот именно. Вот так!"

Весь стол смеялся, и после того, как веселье спало, Глессвик посмотрел на капитана. "Я никогда не понимал, почему вы дали жизнь тому бандиту? Тому, что был на земле. Казалось ... не по характеру вам, если вы не возражаете против моего высказывания."

- Неприятно, сержант Глессвик."

"О, я не хочу тебя обидеть, капитан. Совсем нет. Дело в том, что на самом деле это комплимент. Ты самый трудный человек, которого я когда-либо встречал. Не столько противный, сколько ... тяжелый, как я прежде сказал. Это самая большая причина, по которой мы следуем за тобой, я думаю. Любой в этой компании умрет дважды за тебя, если они смогут, потому что они знают, что если кто-то убьет нас, это будет последнее, что они сделают, возможно, и их семья тоже."

Хьюспир провел пальцем по краю кружки. "Я верю, что добрый сержант получает в том, что это не ваше приветливое манера поведения или бесконечная ребристость, которые одаривают вас мужчин, но ваше отсутствие милосердия для тех, кто против вас."

"Мои извинения, Маллдус. Я забыл про твою нетерпимость к веским словам."

"Только нетерпимость у меня есть для ветряных мельниц, как вы."

"Ветряная мельница не вращается просто так. Она выполняет работу."

Маллдус ответил "Тогда я признаю свою ошибку. У вас с ветряной мельницей нет ничего общего."

В то время как Ллой оставалась в целом тихой, сиддунцы продолжали рассказывать истории, часто прерываясь проклятиями или отхаркиванием застрявшей от смеха на горле еды. Я

посмотрел на Хорнманов, сидящих через несколько столов в стороне, и их поведение не сильно отличалось, и, возможно, на самом деле было хуже.

Один из Хорнманов, казалось, поднял больше чашек, чем другие. Его язык еле работал, и его щеки и нос покраснели. Ранее я заметил, что он чуть не подрался с одним из своих. Теперь, возвращаясь из сортира, он столкнулся плечом о плечи с человеком, направляющимся в противоположном направлении. Хорнмен схватили человека за плечи и кинул в стену.

Еще один Хорнман вскочил и снял своего товарища, хотя потребовалось некоторое продолжительное и интенсивное объяснение, чтобы убедить его вернуться к столу.

Сцена почти убедила меня подождать, но мочевого пузырь уже взрывался, поэтому я большим крюком обошел вокруг стола Хорнманов и пробрался наружу. Вернувшись через некоторое время гораздо облегчившись (снова обойдя Хорнманов с должной осторожностью), я обнаружил Силдунцев в середине новой... оживленной дискуссии.

Опираясь на тревожное богатство опыта убийств и смерти, они спорили о худшем конце, что они видели. Вендурро рассказал про добровольно утонувшего под лед. Маллдус противопоставил этому труп, который он видел: с обугленной кожей, с открытыми трещинами, раскрывающей розовую плоть под собой, как свинья, которую жарили слишком долго. Глессвик описал человека, которого приговорили к смерти на площади, палачи поворачивают винты устройства очень медленно, человек кричит, крики продолжались полдня.

После паузы, когда все за столом представили ужасный конец, Вендурро сказал: "О, это жестко. Уверен. Но, кажется, мы должны исключить пытки и тому подобное. Не совсем подходит."

"Не подходит? Боже пьяный! Что ты говоришь? Почему мы должны исключить их?"

Вендурро оторвал взгляд от своей кружки. "Они предназначены для нанесения боли. Обычно медленной и мучительной. Не будет другого конца."

"И оружие?" - Глессвик спросил.

"Нет, капитан сказал, что медленно умирают от копья в кишечнике, ты ничего об этом не говорил"

"Боевые ранения - это нечто другое", - утверждал Вендурро.

"Как и почему? Скажи мне, и я куплю тебе выпивку."

Вендурро подумал перед тем, как ответить, - "Пытки, умирающий ублюдок не имеет ни права слова, ни шанса. Не может защитить себя вообще. Нет надежды. В любой битве, у человека есть какое-то право слова деле. А если нет, то его ударили, когда он смотрел не в ту сторону, ну, он знал, что это было возможно, когда он собирался на битву. Но пытки, это не так, то есть, я не могу правильно сказать, это просто..."

Глессвик улыбнулся широко, победоносно. "Нет. Не куплю выпивку тебе. Мы сказали смерть. Худшая смерть. Ничего о причине."

Хьюспир молчал все это время, но теперь наклонился вперед и сказал: "Несмотря на то, что это без сомнения, плохие способы умереть, они слишком короткие, чтобы их можно было по-настоящему рассматривать."

Маллдус покачал головой. "Вот-вот. Это должно быть хороший способ. Давай, давай, не могу дождаться."

Хьюспир проигнорировал его и продолжал: "Вы сыновья чумы—каждый из вас видел ее опустошения. Но последняя чума была ничем по сравнению с предшествующей. Думаю, ни один из вас не прожил столько, чтобы помнить об этом. Когда я был мальчиком, половину жителей деревни пришлось хоронить. Старики и младенцы были приняты в равной мере, и все те, между ними тоже. О, безошибочно, я уверен, что жжение и давление болезненны. Сильно. Но они не длятся ни день, ни неделю, гораздо больше. Мы с отцом пережили брата и мать. Мой брат был маленьким, так что он продержался не так долго, как большинство в деревне. Лихорадит, кожа разрывается, яды разливаются из ран. Рвота. Кашель проходит настолько долго и сильно, что кровеносные сосуды лопаются в горле, отчего выходящая жидкость становиться красного цвета. Все его тело зудело, как будто он закатывался в крапивницу — мы должны были связать его руки, чтобы он не рвал свою же плоть, которая уже была в беспорядке от гноя и крови. Это продолжалось восемь дней, каждый хуже, чем предыдущий. Моя мама продержалась в два раза дольше. Есть бесчисленное множество ужасных способов. Но я бы выбрал любой из них, лишь бы не чума."

Наш стол сидел молча, пока зал гудел вокруг нас. Наконец, Глессвик пробормотал: "Оставь это лейтенанту Дризлетхорну, чтобы получить удовольствие от смерти." Он, казалось, искренне разочарован тем, что жуткая тема была в конце.

Маллдус ударил кружкой по столу. "Все вы, шлюхи, ошибаетесь в худшем конце. Хуже смерти? Похоже, вы все забываете о грязной сволочи, Роклисе."

Потребовалось некоторое время, чтобы до всех дошло, но когда это произошло, произошел взрыв смеха. Вендурро ударил ладонью об стол. "О, Роклис. Боже, я и забыл о нем."

Смех и не думал угасать. Понятно, что все знали эту сказку, кроме меня.

Вендурро не дождался, пока я спрошу. "Роклисс был в нашей компании. Хороший солдат. Лучше, чем Глессвик, не так хорошо, как я", - Глессвик толкнул его, и Вендурро чуть не свалился со скамейки, рассмеялся и продолжил, - "Любитель искусств он был. Благочестивый, как священник большинство дней. Но у него был свой вкус в шлюхах. Ничего особенного нет — солдаты имеют аппетиты, большинство окунули своих «питонов» в шлюху раз или десять. Даже те, кто женат."

Глессвик добавил: "Особенно те, кто женат."

"Итак, никакого суда над шлюхой. Но дело было в том, что у Роклиса был какой-то странный вкус. Ему нравились толстые, жирные, большие шлюхи. Чем жирнее, тем лучше. Много уродливых шлюх в мире, но не достаточно больших, чтобы удовлетворить аппетит Роклиса. Так что, когда он нашел ту, которая ему больше всех понравилась, он стал правильным."

Маллдус поднял свою кружку с насмешливой торжественностью. "Андурва."

Другие подняли свои кружки. Вендурро сказал: "Мы ему что-то жестокое говорили, но Роклис никогда не противился. Казалось, он гордился своей аморальностью. Мы спросили его, почему он не арендовал тележку и не тащил ее за собой по кампаниям, но старый Роклис сказал, что не смотря на его вкусы, у него есть ограничения. Он посещал Андурву только тогда, когда мы были рядом. Но кроме любви к жирным шлюхам, он также любил свое крепкое вино. Большие аппетиты были у Роклиса, но это плохая комбинация."

Смех снова поднялся за столом, и Вендурро, с истинным терпением рассказчика, ждал, пока станет достаточно тихо, чтобы продолжить. “Ну, одну ночь, Роклис не вернулся в казарму. И это было совсем не похоже на него. Как я уже сказал, настоящий, настоящий, настоящий солдат. Поэтому мы отправились за ним. Проверили несколько таверн на пути, чтобы убедиться, но мы почти знали, где мы найдем его. Если ты не догадался, номер в номере Андурвы в Золотом Грифоне. Дело в том, что мы понятия не имели, как его найти.”

Вендурро постучал костяшками пальцев о стол три раза. “Управитель таверны постучал в дверь Андурвы. Нет ответа. Он извинялся перед нами, снова и снова, когда искал ключ, становясь более взволнованным. Наконец нашел и впустил нас. И вот они. Андурва опрокинулась на Роклиса, словно бледная гора(жира), и ее руки обернулись вокруг лодыжек, храпя громко, как трое мужчин. А внизу был бедный Роклис. Голова зарыта под ее массивными бедрами, большая часть его спрятана под жиром бабы, кроме худых ног. Ради нее, я надеюсь, Роклис первым стал черным. Как бы ни было, обморок или попытка поцеловать ее в ежик, ЭТО был плохой поступок. Легендарный поступок. Его последнее дыхание должно было быть худшим в истории.”

<http://tl.rulate.ru/book/9486/181415>